

18+
Эльяс Гримм

ЗАРАЖЁННЫЕ КРАСОТОЙ

ГЛАВНОЕ БЛЮДО. ДЫХАНИЕ ПУСТОТЫ.
ЗЕЛЁНЫЙ АД. МУЗЫКА СФЕР.
САД ПОТЕРЯННЫХ.

Элиас Гримм

Заражённые красотой

«Издательские решения»

Гримм Э.

Заражённые красотой / Э. Гримм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-684795-8

«Заражённые красотой» — пять историй, где прекрасное оборачивается кошмаром. Изысканный ужин скрывает ужас, космос приносит незримую заразу, а тихий город захлебывается в загадочной эпидемии. Музыка сфер сводит с ума, а сад таит мрачные тайны. Погрузитесь в мир, где очарование становится ловушкой, а красота — смертельным ядом. Готовы ли вы рискнуть, столкнувшись с заражением, которое таится за маской совершенства? Текст публиковался в сборнике «Антология ужаса: Том первый»

ISBN 978-5-00-684795-8

© Гримм Э.

© Издательские решения

Содержание

Главное Блюдо	6
Дыхание Пустоты	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Заражённые красотой

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2026

ISBN 978-5-0068-4795-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главное Блюдо

Сумрак окутывал авеню Монтень, словно бархатный полог, скрывая от любопытных глаз таинства, творившиеся за фасадами особняков и бутиков. Здесь, в самом сердце Парижа, где каждый камень дышал историей и роскошью, скромно, но с безупречным вкусом, располагался ресторан «Вкус Эксклюзива».

Отсутствие кричащей вывески, яркой подсветки или зазывающих рекламных щитов выдавало его принадлежность к миру, где слова были излишни, где репутация опережала молву, а вход был открыт лишь для тех, кто знал, куда идти. Лишь тонкая полоска матового стекла над дверью, на которой еле различимо выгравированы слова «Le Goût Exclusif», указывала на его существование.

За массивной дверью из темного дуба скрывался мир, где время текло по своим законам, где царили тишина, покой и изысканная утонченность. Здесь не было места суете, шуму и дешевой мишуре. Только приглушенный свет хрустальных люстр, отражавшийся в отполированном до блеска мраморе пола, легкий аромат экзотических цветов и призрачная мелодия арфы, доносившаяся из дальнего зала, создавали атмосферу оторванности от внешнего мира, словно перенося в другую реальность.

Официант, безупречно одетый во фрак, бесшумно скользил по залу, провожая прибывающих гостей к их столикам. Его движения были отточены до автоматизма, его лицо выражало лишь вежливую учтивость, его взгляд скользил по посетителям, не задерживаясь ни на ком слишком долго.

В этот вечер в «Вкусе Эксклюзива» собрались те, кто привык получать от жизни все самое лучшее, те, для кого деньги были лишь инструментом для достижения желаемого, те, кто привык к власти и восхищению. Старейший финансист в сшитом на заказ костюме от Brioni, молодая наследница многомиллионного состояния в бриллиантах от Cartier, влиятельный политик в строгом костюме от Kiton, известный арт-дилер в экстравагантном бархатном пиджаке. Они были разными, но их объединяло одно – принадлежность к избранному кругу, к тем, кто знал, как наслаждаться жизнью.

Среди них был и господин N. – успешный бизнесмен, владелец крупной корпорации, человек, привыкший добиваться своего. Он был одет в элегантный, но не броский костюм, его лицо выражало спокойствие и уверенность, его взгляд был пронизательным и внимательным. Он не любил излишнюю роскошь и шумные компании, но ценил хороший вкус и изысканную кухню. Поэтому он и оказался в «Вкусе Эксклюзива» – в надежде провести приятный вечер и попробовать что-то новое.

Он занял свой столик у окна, откуда открывался вид на тихий переулок, и окинул взглядом зал. Ему показалось, что он здесь впервые, хотя и не мог этого вспомнить. Что-то неуловимо знакомое было в этом месте, но он не мог понять, что именно.

Официант подошел к нему с меню, но господин N лишь махнул рукой:

– Я доверяю вашему выбору, – сказал он, – удивите меня.

Официант кивнул и бесшумно удалился, оставив господина N наедине со своими мыслями.

В самом сердце «Вкуса Эксклюзива», где царили свои законы и вершились кулинарные таинства, располагалась кухня. Она мало напоминала обычное ресторанное помещение, скорее – алхимическую лабораторию, где под руководством Маэстро творилось волшебство.

Алан Дюбуа, шеф-повар и владелец «Вкуса Эксклюзива», был человеком-загадкой. Его прошлое было окутано тайной, его настоящее – подчинено лишь одной цели: созданию идеального вкуса.

Он не был похож на тех поваров, которых можно увидеть по телевизору – шумных, эцентричных и жаждущих славы. Он был тих, сдержан и немного отстранен. Его взгляд был пронзительным и внимательным, его движения – точными и выверенными. Он казался скорее ученым, чем кулинаром, скорее художником, чем ремесленником.

Алан был одержим своим делом. Он не признавал компромиссов и мелочей. Каждый ингредиент, каждый процесс, каждый этап приготовления должен был быть безупречным. Он лично отбирал продукты, посещая фермерские рынки и экзотические страны в поисках редких и необычных ингредиентов. Он экспериментировал с техниками и вкусами, создавая новые сочетания и открывая новые грани кулинарного искусства.

Сегодня, как и всегда, Алан был сосредоточен на создании «фирменного блюда», рецепт которого держался в строжайшем секрете. Он работал молча, окруженный своими помощниками, которые беспрекословно выполняли его указания.

На огромном столе из нержавеющей стали лежали различные продукты: экзотические фрукты, редкие сорта мяса, необычные овощи и травы. Алан брал каждый ингредиент в руки, внимательно рассматривал его, ощупывал, вдыхал его аромат. Он словно разговаривал с продуктами, пытаясь понять их сущность и раскрыть их потенциал.

Он был настоящим виртуозом, мастером своего дела, гением вкуса. Он мог превратить обычные продукты в кулинарные шедевры, которые вызывали восторг у самых искушенных гурманов. Но его гений имел и темную сторону. Он был одержим, он был безжалостен, он был готов на все ради достижения своей цели.

Он смотрел на ингредиенты, лежащие на столе, и в его глазах вспыхивал огонь. Он видел не просто продукты, а возможности, он видел потенциал, он видел будущее. Он знал, что сегодня он создаст нечто особенное, нечто такое, что запомнится навсегда.

Официант вернулся с первым блюдом – крошечной, словно драгоценность, композицией на белоснежной тарелке. Это был тартар из голубого тунца с муссом из маракуйи и хрустящими водорослями нори.

Аромат был настолько тонким и изысканным, что, казалось, переносил господина N на тропический остров, где свежий бриз доносил запахи моря и экзотических фруктов.

Он взял крошечную вилку и осторожно попробовал. Взрыв вкуса! Нежная текстура тунца, кисло-сладкий мусс из маракуйи и хрустящие водоросли создавали идеальный баланс, вызывая гамму ощущений, которые было трудно описать словами.

Господин N закрыл глаза и на мгновение забыл обо всем на свете. Он был поглощен этим вкусом, этим ароматом, этой текстурой. Это было настоящее произведение искусства, кулинарный шедевр, который заставил его почувствовать себя особенным.

Когда он открыл глаза, на его лице играла легкая улыбка. Он кивнул официанту, выражая свое восхищение.

– Это восхитительно, – проговорил он, – настоящий взрыв вкуса.

Официант лишь слегка поклонился в ответ.

За соседними столиками также царил оживление. Старейший финансист рассказывал своей молодой спутнице о своих успехах на фондовом рынке, молодая наследница обсуждала с подругой свой новый бриллиант, влиятельный политик вел душевную беседу с арт-дилером, обсуждая последние тенденции в искусстве.

Все они были поглощены своими разговорами, своими проблемами, своими радостями. Они были оторваны от внешнего мира, погружены в атмосферу роскоши и комфорта. Они казались счастливыми и беззаботными.

Господин N наблюдал за ними, и ему вдруг стало немного грустно. Он подумал о том, как много людей в мире живут в нищете и голоде, как много несправедливости и страданий существует на земле. И здесь, в этом оазисе роскоши, они сидят и наслаждаются жизнью, словно ничего не происходит.

Он понимал, что это неправильно, что это нечестно. Но он ничего не мог с этим поделать. Он был частью этой системы, он пользовался ее привилегиями, он наслаждался ее благами.

И в этот момент он почувствовал легкий дискомфорт. Ему показалось, что он здесь лишний, что он не достоин этой роскоши, этого комфорта. Ему захотелось встать и уйти, но он удержал себя. Он решил остаться и дождаться главного блюда. Он надеялся, что оно развеет его сомнения и вернет ему чувство уверенности и спокойствия.

За кулисами «Вкуса Эксклюзива» царил совсем иной мир. Здесь, в лабиринте коридоров, кухонь и подсобных помещений, кипела работа, шла напряженная подготовка к главному событию вечера.

Персонал ресторана, словно хорошо смазанный механизм, выполнял свои обязанности с четкостью и безупречной слаженностью. Повара, официанты, сомелье, уборщики – каждый знал свое место и свою роль. Они работали молча, не задавая вопросов, не отвлекаясь на мелочи.

Их лица были бесстрастными, их движения – отточенными до автоматизма. Они казались не людьми, а скорее роботами, запрограммированными на выполнение определенной задачи.

Но даже в этой безупречной системе чувствовалось какое-то напряжение, какая-то скрытая тревога. Казалось, что все чего-то боятся, что все чего-то ждут.

Официанты, выходя в зал, старались не задерживать взгляд на посетителях слишком долго, словно боялись увидеть в их глазах что-то такое, что им не хотелось видеть. Повара, готовя блюда, работали с особой осторожностью, словно боялись совершить ошибку, которая могла бы иметь ужасные последствия. Уборщики, убирая со столов, старались не касаться остатков еды, словно боялись заразиться чем-то опасным.

Эта атмосфера страха и тревоги пронизывала все уголки ресторана, создавая ощущение, что здесь происходит что-то неладное, что здесь скрывается какая-то страшная тайна.

Один из официантов, молодой парень по имени Жан, случайно подслушал разговор между Аланом и управляющим рестораном, господином Лефевром.

Они стояли в коридоре, возле входа на кухню, и тихо переговаривались. Жан не мог разобрать слов, но уловил обрывки фраз:

– ...особые поставки... – ...новые клиенты... – ...полная секретность...

Алан говорил сдержанным тоном, но в его голосе чувствовалась сталь. Господин Лефевр кивал в ответ, выражая полное согласие.

Жану стало не по себе. Он почувствовал, что этот разговор имеет какое-то отношение к «фирменному блюду», что в этом скрывается какая-то опасность.

Он вспомнил о том, что в последнее время в городе участились случаи исчезновения богатых людей, которые любили посещать элитные рестораны. Он вспомнил о том, что его знакомый, работавший в полиции, говорил о таинственном культе, которые охотятся на богатых и влиятельных людей.

Ему стало страшно. Он понял, что попал в опасное место, что ему нужно бежать отсюда как можно скорее.

Но он не мог уйти. Он был связан контрактом, он нуждался в деньгах, он боялся последствий. Он был в ловушке.

И в этот момент он понял, что «Вкус Эксклюзива» – это не просто ресторан, это что-то гораздо большее.

Он знал, что должен что-то сделать, что он не может оставаться в стороне. Но он не знал, с чего начать. Он был один против всех, он был бессилен.

И в этот момент он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Он обернулся и увидел, как на него смотрит Алан. В его глазах был холодный и проницательный взгляд, который проникал в самую душу.

Жан понял, что его разоблачили, что ему грозит опасность. Он почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он знал, что его жизнь в опасности.

После томительного ожидания в зале вновь появился официант, на этот раз неся в руках изящные серебряные подносы, накрытые крышками. В воздухе повисло напряжение. Разговоры стихли, взгляды сосредоточились на приближающемся официанте. Господин N почувствовал, как участилось его дыхание.

Официант, с безупречным профессионализмом, остановился возле каждого столика, включая столик господина N, и синхронно снял крышки с подносов. Взору посетителей представило «фирменное блюдо» «Вкуса Эксклюзива».

Аромат был просто неземной – смесь тонких, едва уловимых оттенков, которые было невозможно классифицировать. Что-то сладковатое, что-то пряное, что-то мясное, но все вместе создавало невероятно аппетитный и манящий букет.

Внешний вид блюда был также безупречен. Идеально обжаренные кусочки мяса, уложенные на подушку из крема нежного пастельного цвета, украшенные экзотическими цветами и микрозеленью. Казалось, что это не просто еда, а произведение искусства, созданное гением.

Господин N внимательно рассматривал блюдо. Он не мог понять, из чего оно приготовлено. Ему казалось, что он никогда не видел ничего подобного. Но что-то в этом блюде его настораживало. Что-то неуловимо знакомое было в этом аромате, в этой текстуре, в этом цвете.

Он взял вилку и осторожно попробовал кусочек мяса. Вкус был божественным. Нежная, тающая во рту текстура, изысканный аромат, неповторимый вкус... Господин N никогда не пробовал ничего подобного.

Он закрыл глаза и на мгновение забыл обо всем на свете. Он был поглощен этим вкусом, этим ароматом, этой текстурой. Он чувствовал, как по его телу разливается тепло, как его переполняет чувство эйфории и блаженства. Ему казалось, что он достиг вершины наслаждения, что он познал истинное счастье.

Но одновременно с этим он чувствовал какое-то странное беспокойство. Ему казалось, что он что-то теряет, что его лишают чего-то важного. Он не мог понять, что именно, но это чувство не покидало его.

Он открыл глаза и окинул взглядом зал. Все посетители ели с наслаждением, не обращая внимания ни на что вокруг. Они были словно загипнотизированы, поглощены этим вкусом, этим ароматом, этой текстурой.

Господин N почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он понял, что здесь происходит что-то неладное, что он попал в опасное место. Он решил, что после ужина он обязательно что-то предпримет. Он должен узнать правду о «Вкусе Эксклюзива», даже если это будет стоить ему жизни.

Он взял еще один кусочек мяса и проглотил его. Вкус был по-прежнему божественным, но теперь он ощущал его с примесью страха и отвращения. Ему казалось, что он ест что-то запретное, что-то аморальное, что-то чудовищное.

И в этот момент он понял, что ему грозит опасность. Он понял, что он в ловушке.

Он почувствовал, как за ним кто-то наблюдает. Он обернулся и увидел, как на него смотрит Алан. В его глазах был холодный и пронзительный взгляд, который проникал в самую душу.

Господин N понял, что его разоблачили. Он знал, что его жизнь в опасности. Он понимал, что сейчас начнется самое страшное.

Господин N машинально продолжал есть. Его разум пытался обработать обрушившуюся лавину тревожных предчувствий, но тело, словно околдованное, продолжало подчиняться вкусу, завораживающему аромату. Каждый кусочек фирменного блюда был не просто едой, а наркотиком, заставляющим забыть об опасностях и погрузиться в мир иллюзорного наслаждения.

Однако, чем больше он ел, тем сильнее становился дискомфорт. Это было не простое беспокойство, а нарастающее чувство отвращения, словно его организм отторгал что-то чуждое, чуждое его природе.

Вкус по-прежнему оставался восхитительным, но теперь он ощущался как фальшивая нота в идеальной мелодии, как искусственный цветок, искусно имитирующий настоящий. Господину N казалось, что он ест нечто живое, что в этом блюде есть какая-то душа, какая-то память.

Ему вдруг стало жарко, по телу пробежала дрожь. Он ощутил легкое головокружение, в глазах потемнело. Он почувствовал, что теряет контроль над собой.

Он попытался отложить вилку, но рука его не слушалась. Она продолжала машинально подносить кусочки мяса ко рту. Ему казалось, что он действует против своей воли, что его кто-то контролирует.

Он посмотрел на других посетителей. Все они ели с блаженными улыбками на лицах, не замечая ничего вокруг. Они были словно зомби, поглощенные только одним – вкусом «фирменного блюда».

Господин N попытался заговорить, но его голос не слушался. Он открывал рот, но не мог произнести ни слова. Ему казалось, что он попал в какой-то кошмар, из которого нет выхода.

Он начал судорожно озираться по сторонам, пытаясь найти хоть какой-то намек на то, что здесь происходит. Он искал помощи, но понимал, что ему никто не поможет. Он был один против всех, он был обречен.

И в этот момент он почувствовал, что Алан смотрит на него. Их взгляды встретились. В глазах шеф-повара господин N увидел нечто такое, что заставило его сердце замереть от ужаса.

Там не было ни сочувствия, ни сожаления, ни раскаяния. Только холодный, расчетливый взгляд хищника, который наблюдает за своей добычей.

И в этот момент он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Яркая вспышка, словно удар молнии, пронзила разум господина N. На мгновение он перестал ощущать вкус во рту, перестал видеть лица других посетителей, перестал слышать приглушённую музыку. В голове, как на экране старого кинотеатра, замелькали обрывки воспоминаний.

Он увидел лицо своего старого друга, Виктора, с которым они вместе учились в университете. Виктор был талантливым художником, человеком с тонкой душевной организацией и безудержной тягой к прекрасному. После окончания университета их пути разошлись, но они поддерживали связь, время от времени встречаясь в разных уголках мира.

В последний раз они виделись несколько месяцев назад, в Монако. Виктор был в отличном настроении, он только что продал несколько своих картин за огромные деньги и был полон творческих планов. Он рассказал господину N о новом ресторане, который открылся в Париже, о «Вкусе Эксклюзива». Виктор был в восторге от этого места, он говорил, что это настоящий кулинарный шедевр, что там подают блюда, которые не имеют аналогов в мире.

Виктор пригласил господина N посетить этот ресторан вместе с ним, но господин N отказался. Он не любил шумные компании и экстравагантные места, он предпочитал тихие и спокойные вечера.

Теперь, сидя в «Вкусе Эксклюзива» и ощущая нарастающую тревогу, господин N вспомнил о Викторе. Ему вдруг стало не по себе. Он подумал о том, что Виктор давно не выходил на связь, что он не отвечает на его звонки и сообщения.

Ему вдруг стало страшно. Он подумал о том, что с Виктором могло что-то случиться. Он подумал о том, что его исчезновение может быть связано с «Вкусом Эксклюзива».

В голове господина N начали складываться отдельные фрагменты в единую картину, и эта картина была ужасна. Он вспомнил о том, что в последнее время в городе участились случаи исчезновения богатых и влиятельных людей, которые любили посещать элитные рестораны. Он вспомнил о слухах о тайном культе каннибалов, которые охотятся на богатых и влиятельных людей.

Он понял, что Виктор был одной из этих жертв. Он понял, что «Вкус Эксклюзива» – это не просто ресторан, а ловушка, расставленная для богатых и влиятельных людей. Он понял, что Алан – не просто шеф-повар, а хладнокровный убийца, который использует кулинарное искусство для достижения своих чудовищных целей.

Вкус «фирменного блюда» вдруг стал невыносимым. Господин N почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Ему захотелось выплюнуть все, что он съел, но он не мог. Его тело не слушалось его.

Он посмотрел на других посетителей. Все они ели с блаженными улыбками на лицах, не замечая ничего вокруг. Они были словно одурманены, словно им промыли мозги.

Господин N понял, что он должен что-то сделать. Он должен предупредить других, он должен остановить Алана. Но он понимал, что это невозможно. Он был один против всех, он был бессилен.

И в этот момент он почувствовал, как на него кто-то смотрит. Он обернулся и увидел, как на него смотрит Алан. В его глазах был холодный и пронзительный взгляд, который проникал в самую душу.

Господин N понял, что Алан знает о его подозрениях. Он понял, что его разоблачили. Он понял, что его судьба предрешена.

И в этот момент он почувствовал, как его охватывает ледяной ужас.

Господин N опустил взгляд, стараясь не выдавать своего страха. Он сделал вид, что внимательно изучает остатки блюда на тарелке, пытаясь скрыть дрожащие руки. Он понимал, что Алан наблюдает за каждым его движением, и любое неосторожное действие может стоить ему жизни.

Он попытался взять себя в руки, собраться с мыслями, разработать какой-то план. Но его разум был словно парализован ужасом, он не мог думать ни о чем, кроме надвигающейся опасности.

Он поднял голову и окинул взглядом зал. Он пытался понять, кто из присутствующих может быть союзником Алана, кто может представлять для него угрозу. Он искал хоть какой-то намек, хоть какой-то признак неладного.

И тут его взгляд случайно зацепился за одного из официантов. Это был молодой парень, которого он видел здесь впервые. Он стоял в углу зала и наблюдал за посетителями с каким-то странным выражением на лице.

Господин N не мог понять, что именно его насторожило в этом парне. Что-то в его взгляде, в его позе, в его движениях казалось ему неестественным, наигранным. Ему показалось, что этот парень что-то скрывает, что он знает больше, чем говорит.

Внезапно официант встретился с ним взглядом. На мгновение их глаза соприкоснулись, и господин N почувствовал, как по его телу пробежал холодок. В глазах официанта он увидел нечто такое, что заставило его сердце замереть от ужаса.

Там не было ни сочувствия, ни сострадания, ни раскаяния. Только холодный, равнодушный взгляд человека, который привык к насилию и смерти.

И в этот момент официант сделал нечто такое, что окончательно убедило господина N в том, что он попал в опасное место. Он слегка кивнул головой в сторону Алана и незаметно улыбнулся.

Эта улыбка была короткой, едва заметной, но господин N ее увидел. Он увидел, как в этой улыбке отражается вся жестокость и безжалостность этого места. Он понял, что этот официант – часть команды Алана, что он знает о том, что здесь происходит, и что он полностью поддерживает его действия.

И в этот момент господин N почувствовал себя совершенно беспомощным. Он понял, что он один против всех, что ему никто не поможет.

Внезапный приступ головной боли пронзил виски господина N, и в его сознании всплыло воспоминание, словно болезненная заноза. Это была не его память, не его опыт, а чужой, отвратительный и полный ярости.

Он увидел грязную, заснеженную улицу. Худощавый мальчик, одетый в лохмотья, дрожал от холода, пытаясь согреться в тени огромного здания. Его глаза, некогда полные надежды, теперь потускнели от голода и отчаяния.

Мальчик стоял возле мусорного бака, в надежде найти хоть что-то съестное. Он рылся в отбросах, преодолевая отвращение и брезгливость. Его желудок сводило от голода, и он готов был съесть все, что угодно.

Внезапно дверь роскошного ресторана распахнулась, и на улицу вышел богатый человек в дорогом меховом пальто. Он брезгливо посмотрел на мальчика, словно на насекомое, и прошёл мимо, не обращая на него никакого внимания.

В глазах мальчика вспыхнула ненависть. Ненависть ко всем богатым и сытым, ненависть ко всем, кто живет в роскоши и не думает о тех, кто голодает. Он поклялся себе, что когда-нибудь отомстит им за все страдания, за все унижения.

Воспоминание резко оборвалось, оставив после себя лишь горький привкус отвращения и ярости. Господин N вздрогнул и попытался сбросить с себя это наваждение. Он не понимал, что это было, откуда взялось это чужое воспоминание.

И в этот момент он почувствовал, как на него кто-то смотрит. Он обернулся и увидел, как на него смотрит Алан.

И в этот момент он почувствовал, как его охватывает леденящий душу ужас, парализующий волю и разум.

Ощущение тревоги, которое до этого момента лишь слабо мерцало на периферии сознания господина N, теперь разгорелось ярким пламенем, пожирая остатки спокойствия и уверенности. Он больше не мог игнорировать предчувствие беды, он чувствовал ее кожей, каждой клеткой своего тела.

Он машинально доел последние кусочки фирменного блюда, вкус которого теперь вызывал у него лишь отвращение. Ему хотелось встать, выбежать из этого проклятого места, но он понимал, что это невозможно. Он был под пристальным наблюдением Алана и его приспешников, любая попытка бегства будет пресечена немедленно.

Он попытался успокоиться, убедить себя в том, что все это лишь плод его разыгравшегося воображения, что он просто устал и перенервничал.

Он посмотрел на других посетителей. Все они по-прежнему ели с блаженными улыбками на лицах, словно не замечая ничего вокруг. Они были словно загипнотизированы, словно им промыли мозги. Господин N почувствовал к ним жалость и отвращение одновременно. Они были слепы и глухи к надвигающейся опасности, они были обречены на гибель.

Он вспомнил о Викторе, о своем старом друге, который так же, как и они, был очарован «Вкусом Эксклюзива». Ему вдруг стало очень больно и одиноко. Он понимал, что Виктор погиб, что он стал жертвой чудовищного плана Алана.

И тут его взгляд упал на Алана. Шеф-повар стоял у входа на кухню и внимательно наблюдал за господином N. В его глазах был расчетливый взгляд хищника, который готовится к нападению.

Господин N понял, что времени больше нет. Он должен что-то предпринять, он должен найти способ выбраться отсюда. Он решил, что после окончания ужина он попытается поговорить с Аланом, попытаться узнать правду о «Вкусе Эксклюзива». Он понимал, что это очень рискованно, но у него не было другого выбора.

Он сделал глубокий вдох, попытался успокоить дрожащие руки и приготовился к самому страшному разговору в своей жизни.

И в этот момент Алан сделал шаг вперед.

Алан, неторопливо и с нескрываемой уверенностью, приблизился к центру зала. Он остановился, обвел взглядом притихших посетителей, словно оценивая их. В приглушенном свете хрустальных люстр его лицо казалось одновременно прекрасным и пугающим, лицо ангела и демона, слитых воедино.

Тишина в зале стала почти осязаемой, давящей на барабанные перепонки. Прекратилось чоканье бокалов, замерли вилки над тарелками. Все взгляды были прикованы к Алану, к этой загадочной и харизматичной фигуре, которая в течение нескольких часов держала их в плену своего кулинарного гения.

Затем, словно по команде, приглушенная музыка арфы стихла, оставив лишь звенящую пустоту, идеально подчеркивающую торжественность момента. Алан откашлялся, словно настраивая инструмент, и начал говорить.

Его голос, обычно тихий и сдержанный, теперь звучал громко и властно, наполняя собой все пространство. В нем чувствовалась сталь, уверенность в своей правоте и презрение к окружающим.

«Господа, – произнес он, – благодарю вас за то, что выбрали мой скромный ресторан для проведения этого вечера. Я надеюсь, вы насладились изысканностью моих блюд и утонченностью атмосферы. Но я думаю, пришло время открыть вам правду».

В зале пронесся тихий шепот, смешанный с недоумением и любопытством. Господин N замер, как загнанный зверь, чувствуя, как внутри него нарастает волна ужаса.

Алан сделал паузу, словно давая возможность своим словам проникнуть в сознание каждого слушателя. Он наслаждался их замешательством, их страхом, их полной зависимостью от него.

«Вы, – продолжал он, указывая на посетителей, – представители избранного класса, сливки общества, те, кто купается в роскоши и презирает простых смертных. Вы привыкли

получать все, что захотите, не считаясь с чужими чувствами и потребностями. Вы думаете, что вам все дозволено, что вы выше закона и морали. Но вы ошибаетесь».

Его голос становился все громче и яростнее. В глазах вспыхивали молнии гнева, на лице искажалась гримаса презрения. Он больше не был шеф-поваром, он был пророком, обличающим грехи человечества.

«Вы живете за счет других, вы эксплуатируете бедных и слабых, вы наживаетесь на чужом горе. Вы – паразиты, вы – кровопийцы, вы – чума на теле планеты. И вы должны заплатить за свои грехи!»

В зале воцарилось гробовое молчание. Все замерли, не смея произнести ни слова. Они были словно парализованы ужасом, понимая, что Алан говорит не просто так, что он готов перейти от слов к делу.

«Вы думаете, что деньги и власть защитят вас от меня? – усмехнулся Алан, – Вы ошибаетесь. Я сильнее вас, потому что я свободен от ваших пороков, от вашей жадности, от вашего страха смерти. Я – орудие возмездия, я – карающий меч, который обрушится на ваши головы!»

Господин N почувствовал, как его сердце бешено колотится в груди. Он понимал, что Алан сошел с ума, что он готов на все ради своей мести.

Гневная тирада Алана внезапно оборвалась. Он замолчал, словно переключая тумблер в голове, и его лицо приняло выражение тихой печали. Ярость в глазах уступила место воспоминаниям, горьким и болезненным.

Он опустил голову, словно стыдясь своих слов, и его голос вновь стал тихим и сдержанным, но при этом полным боли и отчаяния.

«Вы думаете, я просто безумец, жаждущий крови и мести? – спросил он, глядя в пол, – Вы ошибаетесь. Я не хотел этого, я мечтал о другом, о счастливой и мирной жизни».

Он поднял голову и посмотрел на посетителей. В его глазах читалась неподдельная скорбь, словно он рассказывал о трагедии, которая произошла много лет назад и до сих пор не отпускает его.

«Я родился в нищете, в трущобах Парижа. Моя мать работала прачкой, чтобы прокормить меня и моих братьев и сестер. Мы жили впроголодь, мечтая о куске хлеба и теплом одеяле. Но даже в этой нищете мы были счастливы. Мы любили друг друга, мы поддерживали друг друга, мы верили в лучшее будущее».

Голос Алана дрогнул, и он сделал паузу, чтобы сдержать слезы. Господин N внимательно слушал его, пытаясь понять, что заставило этого человека превратиться в чудовище.

«Но однажды все изменилось. Моя мать заболела. Она работала, не покладая рук, чтобы заработать хоть немного денег, но болезнь оказалась сильнее. У нас не было денег на лекарства, у нас не было денег на врачей. И моя мать умерла. Умерла от голода и болезней, в нищете и отчаянии».

Алан замолчал, и по его щекам потекли слезы. Он плакал не от жалости к себе, а от боли за свою мать, за свою потерянную молодость, за свою разрушенную жизнь.

«После смерти матери я остался один. Мои братья и сестры разбрелись кто куда, пытаюсь выжить в этом жестоком мире. Я скитался по улицам, голодал, мерз, попрошайничал. Я видел много горя и страданий, я видел, как богатые и сытые издеваются над бедными и слабыми. И я поклялся себе, что отомщу им за все. Я поклялся себе, что они заплатят за смерть моей матери».

Алан вытер слезы и посмотрел на посетителей. В его глазах вновь вспыхнула ярость, но теперь в ней чувствовалась не только ненависть, но и боль, отчаяние и безысходность.

«Я долго думал, как осуществить свою месть. Я хотел убить вас всех, но понимал, что это невозможно. Тогда я решил использовать ваше же оружие – роскошь и изысканность. Я открыл этот ресторан, чтобы заманить вас в ловушку, чтобы показать вам, что вы ничем не лучше тех, кого вы презираете. Я хотел, чтобы вы почувствовали ту боль и тот ужас, которые чувствовал я, когда умирала моя мать».

Алан замолчал и тяжело вздохнул. Он вылил душу, раскрыл свои самые сокровенные тайны. Он больше не скрывал свою ненависть, свою боль, свое отчаяние. Он был готов к расплате.

«И теперь, – произнес он, глядя прямо в глаза господину N, – пришло время заплатить по счетам».

С последними словами Алана в зале словно сгустилась тьма. Иллюзия роскоши и изысканности рухнула, обнажив под собой бездну ужаса и отчаяния. Посетители, словно очнувшись от гипнотического сна, с ужасом осознали, в какой смертельной опасности они находятся.

Раздался оглушительный скрежет металла. Мощные стальные двери, до этого не приметные, бесшумно закрылись, отрезая все пути к бегству. Окна, до этого открывавшие вид на тихий переулок, затянулись пуленепробиваемыми жалюзи. Ресторан превратился в неприступную крепость, в смертельную ловушку.

В тот же миг официанты, до этого безупречно вежливые и учтивые, преобразились до неузнаваемости. Их лица исказились злобой, в руках появились скрытые до этого момента электрошокеры и дубинки. Движения стали резкими и агрессивными.

В зале началась паника. Посетители вскочили со своих мест, пытаясь прорваться к дверям, но их тут же сбивали с ног ударами электрошокеров и дубинок. Раздались крики боли, мольбы о пощаде, проклятия.

Господин N попытался подняться, но его тут же схватили двое официантов и повалили на пол. Он отчаянно сопротивлялся, пытаясь вырваться, но силы были неравны. Ему нанесли несколько ударов дубинкой по голове, и он потерял сознание.

Пока господин N лежал без сознания, официанты скрутили ему руки и ноги и связали веревками. Затем его, как и других посетителей, начали тащить в сторону кухни.

В зале царил хаос. Женщины плакали и кричали, мужчины отчаянно сопротивлялись, но все было тщетно. Алан стоял в центре зала и наблюдал за происходящим с нескрываемым удовлетворением. В его глазах читалось торжество мести.

Одного из самых отчаянных посетителей, попытавшегося оказать сопротивление, вывели на середину зала. Алан подошел к нему и, не говоря ни слова, выстрелил ему в голову из пистолета с глушителем. Тело несчастного рухнуло на пол, забрызгав кровью дорогие ковры и белые скатерти.

Остальные посетители, увидев это, затихли. Они поняли, что сопротивление бесполезно, что их ждет неминуемая гибель. Они покорно позволили связать себя и повести в сторону кухни.

Господин N очнулся, когда его тащили по коридору. Он с трудом разлепил глаза и увидел, что его ведут в сторону кухни. Он понял, что это конец, что его ждет страшная смерть.

Он попытался что-то сказать, но его рот был заткнут кляпом. Он попытался сопротивляться, но его тело было обессилено от боли и страха.

Его приволокли на кухню, где уже собрались остальные посетители. Все они были связаны и заткнуты кляпами. Их лица были бледными и испуганными. В их глазах читался ужас и отчаяние.

Алан стоял в центре кухни и улыбался. Его глаза горели безумным огнем. Он смотрел на своих пленников, как на скот, предназначенный на убой.

«Добро пожаловать на кухню, господа, – произнес он, – Здесь вы узнаете истинный вкус эксклюзива».

Дыхание Пустоты

Пятилетняя одиссея в безмолвных просторах космоса подходила к концу. Корабль, носивший гордое имя «Аргус», грациозно скользил сквозь последние слои атмосферы, словно утомленный лебедь, возвращающийся к родному озеру. На борту, в тесных каютах, застыли в предвкушении прибытия четверо астронавтов – команда, избранная судьбой для выполнения беспрецедентной миссии.

В командном отсеке, освещенном призрачным светом мерцающих дисплеев, сидела Доктор Лилиян Холмс, хрупкая женщина с острым взглядом и копной непокорных каштановых волос, стянутых в тугий узел. Она неотрывно смотрела на показания приборов, считывая каждую цифру, каждый импульс, словно пытаясь найти ответы на мучившие ее вопросы.

Лилиян была психологом миссии, и ее задачей было не только следить за психическим здоровьем команды, но и анализировать их поведение в экстремальных условиях космической изоляции. Но последние несколько месяцев она чувствовала, как что-то неумолимо меняется в их взаимоотношениях, как надвигается тень, которую она никак не могла определить.

«Приближаемся к зоне посадки, доктор Холмс,» – раздался в динамике спокойный голос Капитана Сайласа Верити. «Все системы функционируют в штатном режиме.»

Лилиян кивнула, не отрывая взгляда от приборов. В голосе Сайласа она услышала нечто новое, нечто, что раньше не замечала – отстраненность, безразличие. Или ей это только казалось?

«Скоро увидим Землю во всей красе,» – добавил Кaleb Эшворт, инженер миссии, с неизменным энтузиазмом в голосе.

Лилиян обернулась к Калебу. Он был самым молодым членом команды, техническим гением, чьи познания в электронике и механике не раз спасали их в критических ситуациях. Но даже в его лучистых глазах теперь читалась усталость, словно он нес на себе бремя непомерной тяжести.

«Надеюсь, они приготовили нам хороший прием,» – прозвучал глухой голос Сенатора Авроры Клейтон, ответственной за космическую программу.

Сенатор Клейтон находилась на корабле лишь в качестве наблюдателя, но ее присутствие ощущалось постоянно, словно тяжелый груз ответственности, давящий на плечи каждого члена команды.

«Прием, безусловно, будет достойным, сенатор,» – ответила Лилиян с натянутой улыбкой.

Внезапно корабль содрогнулся, и все тело словно сжалось в тугий пружине. Лилиян почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Что-то было не так. Что-то ужасное ждало их внизу, внизу, на Земле.

После триумфальной посадки и шумной встречи с представителями NASA и прессой, команду «Аргуса» поместили в строгий карантин. Это была стандартная процедура, призванная предотвратить распространение возможных инопланетных микроорганизмов, но Лилиян подозревала, что истинная цель карантина – скрыть от общественности странное состояние астронавтов.

Она проводила дни, запертая в стерильной комнате, наблюдая за своими подопечными через одностороннее стекло. Их лица были бесстрастными, движения – механическими, словно они превратились в роботов, выполняющих запрограммированные действия.

«Они ведут себя как зомби,» – прошептала Лилиян, глядя на Калеба, который безучастно смотрел в окно, не реагируя на яркое солнце и зеленые лужайки.

Она провела серию психологических тестов, и результаты оказались тревожными: у всех астронавтов наблюдались признаки тяжелой депрессии, ангедонии (потери способности испытывать удовольствие) и эмоциональной отстраненности. Они словно потеряли связь с миром, утратили интерес к жизни.

«Что с ними происходит?» – спрашивала себя Лилиян, вглядываясь в их мертвенно бледные лица. «Что они привезли с собой из этого бездонного космического мрака?»

Она решила поговорить с Сайласом, надеясь, что он, как командир корабля, сможет пролить свет на происходящее. Но Сайлас был неприступен, словно ледяная глыба.

«Все в порядке, Лилиян,» – ответил он на ее вопросы, избегая смотреть ей в глаза. «Просто усталость после долгой миссии. Все придет в норму.»

Но Лилиян чувствовала, что он лжет. Что он скрывает что-то страшное, что-то, что грозит уничтожить их всех.

В одну из долгих, бессонных ночей Лилиян рискнула нарушить карантин и проникла в комнату Сайласа. Она знала, что это нарушение протокола, но чувство долга и желание спасти своих подопечных были сильнее страха перед наказанием.

Сайлас сидел в кресле, глядя в темноту. Его лицо было бледным и измученным, а глаза – полными страдания.

«Сайлас?» – тихо позвала Лилиян.

Он вздрогнул и обернулся к ней. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на испуг, но тут же сменилось безразличием.

«Что тебе нужно, Лилиян?» – спросил он равнодушно.

«Я беспокоюсь о тебе и о всей команде,» – ответила Лилиян. «Вы не такие, как раньше. Что с вами случилось в космосе?»

Сайлас долго молчал, словно собираясь с мыслями. Затем он тяжело вздохнул и произнес:

«Мы столкнулись с чем-то, чего не можем понять, Лилиян. С чем-то, что не поддается описанию. Мы назвали это „пустотой“.»

«Пустотой?» – переспросила Лилиян, нахмутив брови.

«Да,» – ответил Сайлас. «Она была везде, вокруг нас, внутри нас. Она заполняла собой все пространство, поглощая все эмоции, все чувства, все надежды.»

«И что произошло?» – спросила Лилиян, затаив дыхание.

«Она проникла в нас,» – ответил Сайлас. «Она изменила нас. Она забрала у нас смысл жизни.»

Лилиян почувствовала, как по ее телу пробежал холодок. Она поняла, что столкнулась с чем-то, что превосходит ее понимание, с чем-то, что может уничтожить человечество.

Страх Лилиян, словно злокачественная опухоль, расплзался по ее сознанию. Слова Сайласа, словно ядовитые семена, проросли в ее душе, порождая новые и новые опасения. Но ее профессиональный долг требовал действовать, а не поддаваться панике.

Она решила внимательно изучить жизнь членов экипажа вне карантина, отслеживая изменения в их поведении и эмоциональном состоянии. Результаты оказались пугающими. Жена Капитана Верити, Анна, ранее жизнерадостная и энергичная женщина, впала в апатию, отказывалась выходить из дома и почти перестала разговаривать. Дети Калеба Эшворта, мальчики-близнецы, отличавшиеся непоседливостью и любознательностью, теперь бесцельно бродили по дому, безразличные ко всему. Даже у Сенатора Клейтон, обычно безупречной и собранной, стали проявляться признаки раздражительности и усталости.

Но страшнее всего было то, что подобные симптомы начали проявляться у людей, не имевших никакого отношения к космической миссии. Сообщения о необъяснимых вспышках депрессии, росте числа самоубийств и насилия захлестнули новостные ленты. Мир словно погрузился в хаос, лишенный цели и смысла.

Лилиян чувствовала себя бессильной, словно наблюдатель в театре абсурда, где рушатся все моральные и этические устои. Она понимала, что должна что-то предпринять, но что она могла сделать против невидимой, неосязаемой угрозы, поражающей человеческие души?

Мир катился в бездну. Сообщения о необъяснимых вспышках насилия, суицидах и случаях массовой апатии множились с каждым днем. Правительства стран пытались сохранить контроль, но их усилия оказывались тщетными. Люди переставали верить в политиков, в религию, в будущее. Они просто переставали верить.

Экономика рушилась, заводы останавливались, магазины пустели. Общество, еще недавно процветающее и уверенное в себе, распадалось на атомы безразличия и отчаяния. Города превращались в серые, безликие лабиринты, населенные тенью потерянных душ.

Лилиян, вместе с немногими учеными и врачами, пыталась найти объяснение происходящему, но их усилия были похожи на попытки удержать воду в решете. Они не понимали природу «пустоты», не знали, как ей противостоять.

Однажды вечером Лилиян получила анонимное сообщение: «Приезжайте в обсерваторию Маунт-Вилсон. Там вы найдете ответы.»

Не зная, кому верить, и движимая лишь надеждой, Лилиян отправилась в обсерваторию, расположенную в горах Калифорнии. Она чувствовала, что это ее последний шанс спасти мир от надвигающейся катастрофы.

Обсерватория Маунт-Вилсон встретила Лилиян тишиной и мраком. Огромный телескоп, словно спящий зверь, застыл под звездным небом. Внутри, в полумраке, ее ждал незнакомый мужчина в темном плаще.

«Вы – доктор Холмс?» – спросил он тихим голосом.

«Да,» – ответила Лилиян, настороженно оглядываясь по сторонам.

«Я – бывший сотрудник NASA,» – сказал мужчина. «Я знаю о „пустоте“. И я знаю, как она распространяется.»

Он показал Лилиян записи миссии «Аргуса», в частности, данные о необычном явлении, зафиксированном в глубоком космосе – области, лишенной материи, энергии и времени.

«Здесь,» – сказал мужчина, указывая на график с аномальными показателями, – «они столкнулись с „пустотой“. Они не знали, что это такое, и не приняли никаких мер предосторожности. Они просто вернулись на Землю, зараженные этой космической болезнью.»

«Но как „пустота“ распространяется?» – спросила Лилиян.

«Через эмоциональный контакт,» – ответил мужчина. «Через слова, жесты, взгляды. Через все то, что делает нас людьми. Чем больше людей общается друг с другом, тем быстрее распространяется „пустота“.»

Лилиян осознала весь ужас ситуации. «Значит, нам нужно изолировать друг от друга всех зараженных?» – спросила она.

«Это невозможно,» – ответил мужчина. «Заражены уже миллионы людей. Единственный способ остановить „пустоту“ – найти ее источник и уничтожить его.»

Вернувшись в карантин, Лилиян не знала, кому верить. Она понимала, что находится в центре заговора, и что ей нельзя доверять никому, кроме себя самой.

Она обратилась к Калебу Эшворту, инженеру миссии, который, несмотря на свое подавленное состояние, сохранил искру интеллекта и любознательности.

«Кaleb,» – сказала Лилиян, – «мне нужна твоя помощь. Нам нужно найти способ обнаружить и остановить „пустоту“.»

Калёб согласился помочь, несмотря на свой страх и отчаяние. Он начал разрабатывать устройство, способное измерять уровень «пустоты» в окружающей среде.

«Это будет сложно,» – сказал он, работая над сложной схемой. «Мы не знаем, что мы ищем. Мы не знаем, как „пустота“ воздействует на материю.»

Но Калёб не сдавался. Он работал день и ночь, забывая о сне и еде, движимый лишь одной целью – спасти мир от надвигающейся катастрофы.

Вскоре он создал прототип устройства, способного регистрировать аномальные колебания в электромагнитном поле, которые, по его мнению, были связаны с «пустотой».

«Это еще не точно,» – сказал Калёб, показывая Лилиан прибор. «Но это хоть что-то. Это наш шанс найти правду.»

С каждой полученной Калёбом аномалией, с каждой новой странностью, зафиксированной прибором, в сознании Лилиан выстраивались теории. Однако, как и подобает научному уму, она не позволяла ни одной из них завладеть собой полностью, стараясь оставаться объективной.

Первая и самая очевидная теория – инопланетное вторжение. Возможно, «пустота» была некой формой жизни, паразитирующей на эмоциях и сознании людей. Эта идея пугала своей чуждостью и непостижимостью. Что если человечество столкнулось с разумом, настолько отличным от нашего, что мы даже не можем его осознать?

Вторая теория, более зловещая и мистическая, говорила о космической энергии, о силе, спящей в глубинах Вселенной. Может быть, астронавты случайно разбудили древнее зло, которое теперь мстило человечеству за его дерзость и любопытство?

Третья теория, самая страшная для Лилиан, говорила о том, что «пустота» – это не внешняя сила, а порождение человеческого подсознания. Может быть, во время длительной изоляции в космосе, астронавты столкнулись со своими самыми темными страхами, со своими самыми глубокими разочарованиями, и эти страхи материализовались, превратившись в «пустоту»?

«Если это так,» – думала Лилиан, – «то мы сами создали своего врага. Мы сами виноваты в том, что происходит.»

Какая из этих теорий была верной, она не знала. Но она понимала, что времени на размышления остается все меньше и меньше.

По мере того, как Лилиан и Калёб продвигались в своих исследованиях, они чувствовали, как сжимается вокруг них кольцо подозрительности и контроля. Сенатор Клейтон, осознав, что они приближаются к правде, начала действовать.

Лилиан и Калёб были отстранены от своих должностей, их лаборатории были опечатаны, их передвижения – ограничены. Сенатор Клейтон, используя свое влияние и связи, пыталась заглушить правду о «пустоте», скрыть ее от общественности.

«Мы не можем допустить паники,» – говорила она своим помощникам. «Нам нужно сохранить стабильность. Мы найдем решение втайне, без лишнего шума.»

Но Лилиян понимала, что действия Сенатора Клейтон – это не просто попытка сохранить порядок. Это – заговор, призванный скрыть правду о «пустоте» и ее связи с космической миссией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.